

ГРАНИ ПОИСКА

Олег Михайлов известен как критик, историк литературы и прозаик. Как складывалась творческая биография писателя, которому в эти дни исполняется пятьдесят лет?

Когда-то кандидат филологических наук О. Михайлов издает две книги об И. А. Бунине, комментирует сочинения писателя, пишет инсценировку «Грамматика любви» по его рассказам. Тема «строгого таланта» Бунина могла бы стать главной на всю жизнь литературоведа. Но еще раньше его заинтересовал XVIII век. И Михайлов создал исторический роман «Суворов», удостоенный литературной премии Министерства обороны СССР, выдержавший уже шесть изданий. Позже выходит в «ЖЗЛ» художественная биография «Державин». И обращение к екатерининской эпохе могло бы стать судьбой исторического романиста. Но вот им издается повесть о русском герое Шипки — генерале И. В. Гурко, публикуется книга «Куприн», и совсем недавно мы познакомились с «Генералом Ермоловым». Мы знаем также О. Н. Михайлова по его работам об отечественной словесности начала нынешнего века, объединенным в книге «Страницы русского реализма»: Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, Л. Андреев, А. Н. Толстой... Критик Михайлов — это и многие десятки статей о советской литературе. Он — автор книг «Герой жизни — герой литературы», «Верность. Родина и литература», «Юрий Бондарев»...

— Олег Николаевич, скажите, пожалуйста, над чем вы сейчас работаете?

— Вот никак не прощусь с Алексеем Петровичем Ермоловым. Книга «Генерал Ермолов» — это продолжение моей книжной биографической линии от суворовского времени. Мне хотелось показать Ермолова не чисто военным, а и фигурой политической. Через его жизнь я постарался осветить и после-суворовское военное противостояние России, и государственные ум, общественную позицию Ермолова. Книга важна для меня и как трамплин для написания художественной биографии Кутузова. По-моему, беллетристически во многом не раскрыт его образ. Мне Кутузов представляется личностью огромной энергии, простонародным человеком...

— Одним из первых литературных пристрастий О. Михайлова была творческая судьба И. А. Бунина. Интерес к Бунину возник в процессе исследования творчества Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Что думаете вы об этих трех деятелях отечественной словесности сегодня?

— Важно учесть, что у Льва Толстого было природное чувство высочайшей ответственности за свою жизнь в этом мире. Отсюда народность его книг. Бунину не хватало таких ощущений, он слишком эстетичен. Потому в бунинской прозе — превалирование стиля над словом. Мастер переклассной пробы — да! И все же слишком литературно завершено письмо Ивана Алексеевича, недостаточно простодушное. Не хватало живой воды, оттого и вызолачивание действительности. Вот моему мужику в пруду, а «обмылок» при том — «морально-синеватый»...

Но бытие наше все-таки — как пахучий пруд, река, часто мутные, с заводами, где ил и головастики. И по-толстовски — зачерпнуть оттуда привольно, а не вскрывать ланцетом окружающее. Абсолютный вкус Бунина — да! И было же это качество у Чехова, но без флорентизма.

Все это сказано в сравнении Ивана Алексеевича Бунина с великими. Зато само по себе на редкую редкость полновесно его словесное вещество. Пружинки живописи писателя, ее достоинства — на поверхности. Так что пытаться подражать ему рискованно, эпигонство сразу выйдет наружу.

— Ваша самая известная книга «Суворов». Какие ощущения остались от работы над ней? Что вы думаете о природе творчества писателя, работающего в жанре художественной биографии?

— Вот как выходит... Литература — это как бы тень жизни. А критика, литературоведение, очевидно, — тень тени, третичный элемент. И биограф выглядит существом наиболее далеким от творчества. Ведь творчество — то, чего не было до тебя, принципиально не было. И все это для конкретно пишущего на исторические темы так и будет, если не найти каких-то точек зажигания. Тогда летят искры, взламывается одиозный сюжет...

Суворовский образ глубоко по-человечески поразил меня, восхитило его лицо на олеографиях. Но странно — по сей день душа его так и осталась для меня тайной. Книга давно живет своей жизнью, а мне все кажется, что расстался со знакомым незнакомцем — будто бы, как реставратору на замалеванной иконе, мне удалось снять лишь несколько поздних наслоений, а подлинный лик так и не открылся... Биограф полководца Фукс утверждал, что Суворов останется загадкой для потомков. Головокружительная глубина!

— Что послужило толчком к созданию книги «Державин»?

— Желание разгадать державинскую двойственность. Еще работая над «Суворовым», читая переписку полководца с Державиным, я невольно призадумался. С пожелтевших страниц, со старинного портрета Гаврилы Романовича на меня вдруг глянул и мыслитель, и веселый плут, и литератор, и энергичный офицер. Какой интересный кон-

Олег МИХАЙЛОВ.

траст! Как всегда, меня обуревало желание стереть пыль с портрета, чтобы блеснул лик. Заинтриговала перекличка его образа с суворовским. Державин был прекрасным писателем и исполнительным офицером, Суворов — превосходным военным и любителем-стихотворцем. В книге «Державин» — независимо от жанра — мне захотелось и, кажется, удалось раскопаться по мере возможности. «Державин», по-моему, более самостоятельная вещь, чем «Суворов».

И все же теперь, когда за плечами роман «Час разлуки» и ряд рассказов, я сравниваю свои подходы к творчеству и вот что чувствую. Настоящий писатель пишет о себе даже тогда, когда сочиняет о других. Критик же пишет о других, даже когда высказывается о себе. Другим судить, насколько в прозе удалось мне преодолеть это злостное... Очень трудно было идти к писательству — зачитанность закрывала путь. Шоры культуры мешали, были на глазах, как очки с разноцветными стеклами. Снять их нелегко, а ведь надо еще, освобожденно работая над прозой, суметь взглянуть на мир по-своему...

— Олег Николаевич, очевидно, ваша любовь к великим деятелям России, привязанность к крупным характерам. Все это ярко прозвучало в творчестве Алексея Толстого и, видимо, в какой-то мере является ключом и к вашей работе прозаика?

— Алексей Толстой... Думаю о нем часто, заветно. Игровой талант... Мы любим говорить и настаивать на обязательном пси-

хологизме писателя. Но проза все-таки держится на слове, и Толстой лишний раз это доказал. И в то же время нет прозы без стиля. Вот Бунин стоял на такой грани, вычеркивал во имя ритма прекрасные фразы. Не хватало ему порой сока жизни. И по-моему, он завидовал Алексею Николаевичу, способному поистине оплодотворить, осеменить ткань своего произведения... Воочию в книгах Толстого — слово из средства общения переходит в средство преображения искусства. Отсюда яркость — от чудесного смещения, когда слова обретают вторую жизнь. Да, каждый пишущий имеет что сказать, но выразиться можно лишь, когда человек ощущает связь между простым событием и магией художественного воплощения. Легче всего казаться содержательным, профессионально распределив героев по сюжету. Но попробуйте-ка по-толстовски создать такую температурную обстановку, чтобы читатель не заметил композиционных швов!

...На столе среди папок рукописей, присланных на рецензирование, замечаю раскрытую книгу М. Булгакова «Мастер и Маргарита»...

— Давно мечтаю написать о Булгакове. Но дорого, чтобы идея отстоялась. Постоянно перечитывая булгаковскую прозу, завидую его умению раскопаться, быть независимым от материала... Сколь превосходный образец того, что в искусстве важно переступить через форму, через художническую пропасть от жизни к отображению живого!

— Вы — автор романа «Час разлуки». В последнее время часто выступаете со своими рассказами. Публикация вашей вещи «Ночь на Швейной горке» в сборнике «Рассказ-81» наряду с произведениями признанных мастеров — Ю. Трифонова, В. Распутина, Г. Семенина — говорит об успехе вашего художественного творчества. Что вдохновляет вас как художника?

— Мой роман во многом автобиографичен. Создание «Часа разлуки» было психотерапией. Ночами на клочках бумаги мысли свои записывал, письма перечитывал... Сладкая отравка. Но наличие боли помогло мне избежать несамостоятельности. Потом стала вырастать фигура отца. Неожиданно я увидел, что своей судьбой повторяю его, иду по отцовскому узору жизни...

...Писатель встает из-за стола, останавливается у окна... За стеной годовалая дочка Оля проснулась. Жена с ней ласково разговаривает. Все благополучно в этот час...